

ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИИ

О.В. Паченков

РОЛЬ «ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ МИГРАЦИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО УЧЕНОГО

В статье предпринята попытка критического анализа понятий «этничность» и «идентичность». Эмпирической основой текста стали проведенные О. Паченковым и его коллегами исследования трудовых мигрантов из Азербайджана и Таджикистана в Петербурге (1997–2002). Используя примеры из проведенных исследований, автор демонстрирует ограничения, связанные с использованием «этничности» в качестве аналитической категории при изучении трудовой миграции. В заключении автор смещает фокус с критики понятия «этничность» на концепцию «идентичности» как таковую. Используя методологический и понятийный аппарат, предложенный другими критиками идентичности — Р. Брубейкером и Ф. Купером, автор на примере собственных исследований показывает возможности применения других аналитических категорий, позволяющих более точно описать взаимодействия и социальные сети, в которые включены мигранты. Автор рассматривает данный текст, суммирующий его работу в этой области, как свой вклад в дискуссию об ответственности социального ученого перед обществом.

Ключевые слова: трудовая миграция, этническая экономика, этничность, идентичность.

Key words: labor migration, ethnic economy, ethnicity, identity.

Введение

В тексте будет затронут вопрос о роли, которая отводится феномену этничности в исследованиях миграции, а также будет поднят вопрос об ответственности социального ученого в этой связи. Социальные ученые, по нашему мнению, злоупотребляют этничностью в качестве объяснительной модели, пытаясь с ее помощью объяснить социальные явления и действия, обусловленные иными социальными, культурными и экономическими процессами. Ученые, таким образом, участвуют в процессе, который мы вслед за рядом авторов называем «навязыванием этничности». Мы полагаем, что

значительная часть исследований миграции в России (в особенности в тех ситуациях, когда мигрантов изначально идентифицируют как представителей «не русской национальности») — пример такого злоупотребления. На наш взгляд, данная проблема заслуживает внимания, поскольку не только касается методологии (и терминологии) социальных исследований, но также имеет политические последствия.

Мы полагаем, что отказ от категорий этничности при объяснении ситуаций, возникающих в отношениях между «мы» и «они» группами (в частности, в контексте миграции) можно рассматривать как первый шаг, который следовало бы предпринять социальным ученым. В качестве второго шага в том же направлении мы видим критическое переосмысление понятия *идентичности* и его роли в объяснении социальной жизни. Здесь мы придерживаемся точки зрения, предложенной, в частности, Роджерсом Брубейкером и Фредериком Купером (Брубейкер, Купер 2002).

Эмпирическую основу данного текста составляют результаты социологического исследования, проведенного мною и моими коллегами из Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ) в 1997–1999 гг.* и продолженного мною в 2000–2002 гг. в рамках ряда индивидуальных исследовательских проектов. Результаты этих исследований легли в основу нескольких текстов (Бредникова, Паченков 2000, 2001, 2002а, б; Pachenkov 2004а, б)**. Задача данной статьи, помимо прочего, состоит в том, чтобы возобновить в российской академической среде затихшую в последние годы, но чрезвычайно важную, на мой взгляд, дискуссию об ответственности социального ученого (Воронков, Освальд 1998; Драгунский 1993; Малахов 2001; Тишков 1998).

Мы постараемся сначала более развернуто сформулировать проблему, указав на (а) специфику этнических категорий, их потенциал и ограничения в контексте изучения миграционных процессов и (б) на проблему использования этих категорий в политике. Затем после краткого описания собственного опыта исследования мигрантов с Кавказа в Санкт-Петербурге будет предложен критический обзор распространенных теорий «этнической экономики». Далее, отталкиваясь от собранных нами эмпирических данных, мы предложим альтернативный подход к объяснению экономического и социального поведения мигрантов на основе веберовской методологии и соответствующего понимания социального действия. Затем мы обратимся к проблеме вла-

* В данный текст вошли, в частности, фрагменты из финального текста, подготовленного по результатам данного проекта мною в соавторстве с моей коллегой Ольгой Бредниковой (см. полный текст на английском языке: Brednikova, Pachenkov 2002). В этой связи я хотел бы выразить особую признательность Ольге Бредниковой, моей коллеге и другу, которая, не будучи соавтором данного текста, опосредованно внесла большой вклад в работу над ним. Также хотел бы поблагодарить других сотрудников ЦНСИ, принимавших участие в указанном проекте: Виктора Воронкова, Оксану Карпенко, Елену Чикадзе, Сергея Дамберга, также — увы, посмертно — Николая Гиренко.

** См. также тексты В. Воронкова, О. Карпенко, Е. Чикадзе, С. Дамберга по проблемам миграции (многие из них представлены на сайте ЦНСИ: www.cisr.ru).

сти, дискурса и феномену «навязывания этничности», которые помогут объяснить распространенность этнических категорий в исследованиях мигрантов (в том числе в качестве эмигратских категорий). Здесь же будет поставлен вопрос о способности социального ученого деконструировать доминирующие политические дискурсы, вместо того чтобы воспроизводить их в научном исследовании. Далее вслед за критикой примордиалистского и эссенциалистского подходов в понимании этничности мы перейдем к критическому анализу категории идентичности как таковой. Читателю будет предложен альтернативный подход к пониманию социальных феноменов, традиционно описываемых при помощи категории «идентичность» — подход, разработанный классиками исследований этничности и национализма Роджерсом Брубейкером и Фредериком Купером. В заключении на примере собственного исследования трудовых мигрантов мы покажем, как их категориальный аппарат может быть применен при изучении такого явления, как миграция, и в чем преимущества этого альтернативного подхода.

Дихотомия «мы / они» в контексте изучения идентичности

Было бы наивно полагать, что человек как «существо социальное» способен избегать приписывания себя и других к категориям «свои» / «чужие». Такая дихотомия считается важной составляющей личности* и источником множества социальных процессов. Тем не менее ничуть не более обоснованным выглядит предположение, что на практике все дихотомии подобного рода непременно должны приводить к конфликтам, заканчивающимся кровопролитием**. Однако в последние десятилетия мы все чаще становимся свидетелями такой развязки, так что конфликты и истребление социальными группами друг друга начинают казаться почти естественным практическим следствием мышления при помощи бинарных оппозиций. Между тем разделение «мы» / «они» может пролегать в самых разных измерениях, и история знает не так много случаев убийств пекарей — сантех-

* «... (нам) неизвестны безымянные народы, а также языки и культуры, в которых в какой-то мере не отражалась бы разница между своими и чужими, “нами” и “ими”» (Calhoun C. *Social Theory and the Politics of Identity*. P. 9. Цит. по: Брубейкер, Купер 2002: 83). В отечественной литературе, см., например: «С самого начала важно подчеркнуть, что свое и чужое составляли единое целое — мир, в котором существовал человек. <...> Универсальность представлений о бинарной структуре мира и их поразительная устойчивость, видимо, далеко не случайны и имеют глубинное психологическое основание» (Байбурин 1990: 3). Среди классических работ социальных психологов см., например: Фрейд 1998, Фромм 1998, Эриксон 1996, 2000.

** Тот же А. Байбурин, которого мы цитируем выше, полагает, что дихотомия «свои — чужие» напротив содержит важный потенциал для разрешения возникающих на бытовом уровне межгрупповых конфликтов: «Нужно сказать, что на определенном этапе исторического развития сознания такая модель переживания экстремальных ситуаций была не только вполне целесообразной, но и вполне рациональной. К тому же ее глубокая укорененность и поразительная живучесть свидетельствуют о соответствии глубинным психофизиологическим механизмам, в основе которых лежит принцип обмена, взаимности и эквивалентности» (Байбурин 1990: 3–4). Ср. также с теорией о роли границ между этническими группами у Ф. Барта (Барт 2006).

никами, жителей пятиэтажек — жителями десятиэтажек, и даже мужчин — женщинами или наоборот*. Другие идентичности — этнические, национальные, религиозные и даже классовые — напротив, довольно часто становятся источником кровавых конфликтов. Нам представляется, что к этим категориям, которые имеют столь опасный для человеческой жизни потенциал, следует относиться с особой осторожностью.

По этой причине нам представляется необходимым произвести *критический анализ концепции этничности***, а также той роли, которую она играет в социальных науках, в повседневной и политической жизни современных обществ. Собственный исследовательский опыт и знакомство с работами других исследователей заставляют нас утверждать, что обращение к этническим категориям зачастую не оправдано, поскольку (а) они нередко подменяют собой иные социальные категории, в большей степени определяющие поведение конкретных людей в конкретных ситуациях, и (б) они не способствуют решению возникшего или потенциального конфликта между участниками взаимодействия, но приводят к его эскалации. Здесь мы бы хотели обсудить следующий вопрос: насколько обоснованно обращение к понятию «этничность» для объяснения и описания *миграции* как одного из типов социальных отношений, в которых зримо или незримо присутствует оппозиция «мы» / «они».

Мы полагаем, что социальные ученые склонны преувеличивать роль так называемой «идентичности» при объяснении социальных действий, игнорируя другие более важные составляющие поведения. В практике социальных наук нередко происходит подмена понятий, и изучение социальной жизни сводится к изучению идентичностей либо поведение не изучается вовсе, но напрямую выводится из идентичности. Мы полагаем, что научные и околонаучные категории, берущие начало от греческого корня «этно», особенно часто становятся объектом такого неоправданного редукционизма.

Частичное решение этой проблемы мы видим в том числе в способности социальных ученых отдавать себе отчет в том, что производимые ими концепции, теории, объяснительные схемы далеко не всегда продолжают оставаться в рамках академического дискурса. Часто они выходят за пределы научной среды, проникают в обиходный язык и сознание, влияют на формирование способов интерпретации окружающей действительности как у «обыкновенных людей», так и у политиков. Социальные ученые должны понимать, что громкое слово «эксперт», коим их часто именуют, помимо престижа и статуса предполагает *ответственность*. Реализуя собственное исследование трудовых мигрантов с Кавказа в Петербурге, мы старались помнить об этой ответственности и предварять любые «экспертные» оценки сбором и тщательным анализом эмпирических данных.

* Имеются в виду не случаи убийства на бытовой почве, коих статистика, вероятно, насчитывает немало, но случаи, когда именно профессиональная или гендерная идентичность и ничто другое стало основанием для противопоставления в рамках дихотомии «мы / они» и источником конфликта с летальным исходом.

** Термин «этничность» используется здесь как синоним «этнической идентичности»; о такой традиции использования данного понятия см., например: (Trimble, Dickson 2006).

«"Кавказцы" в крупном городе»: история исследовательского проекта

Идея данного текста родилась в ходе реализации исследования экономических мигрантов, торгующих на рынках Петербурга. Исследование начиналось в рамках проекта ЦНСИ «"Кавказцы" в крупном российском городе: интеграция на фоне ксенофобии»*. Полевой этап исследования в основном закончился в конце 1998 г., но затем еще в течение двух лет его результаты тщательно анализировались и неоднократно обсуждались с коллегами на семинарах и конференциях. В период с 2000 по 2003 гг. автором был реализован еще ряд индивидуальных исследовательских проектов, сфокусированных на определенных темах, которые не были затронуты ранее в рамках группового проекта.

Первоначально предполагалось, что предметом исследования в упомянутом коллективном проекте станут экономические стратегии мигрантов-«кавказцев»**, в частности мигрантов из Азербайджана, занятых в сфере розничной торговли на городских рынках. Впоследствии мы изменили перспективу нашего исследования и помимо экономических стратегий стали изучать процессы интеграции, жизнеустройства мигрантов, в том числе значительное внимание уделяли изучению организации их повседневной жизни. Это позволило нам расширить горизонт исследования и выйти за рамки определенных теорий, изначально взятых нами на вооружение. Таким образом, в поле нашего внимания попали не только «кавказцы», но и экономические мигранты из Средней Азии, Украины и Молдовы, продавцы из числа «местных» (Петербург и Ленобласть), персонал рынков и т.д. В результате такого «расширения исследовательского фокуса» этничность стала для нас не «отправной точкой» в исследовании, но проблемой и основанием для постановки вопросов.

Основными методами исследования стали включенное наблюдение и беседы с информантами (интервью)***. С октября 1997 г. до середины лета 1998 г. мы осуществляли участвующее наблюдение в среде мигрантов, принимали активное участие в работе и повседневной жизни наших информантов. Все наблюдения мы обсуждали и фиксировали в полевых дневни-

* См.: http://www.cisr.ru/complete_etnos.html

** Кавычки мы методично использовали при написании этого слова в большинстве наших текстов. Они означают, что мы заимствуем понятия, традиционно используемые для обозначения этнических групп или национальностей, из ненаучного дискурса, т.е. «цитируем» их. Это делается с целью показать, что мы можем быть не согласны с теми значениями и коннотациями, которые связываются с этническими категориями в быденном языке, откуда слово заимствовано, но используем их исключительно для того, чтобы читателю было понятно, о чем и о ком идет речь.

*** Мы полагали, что подобное сочетание методов позволяет исследователю лучше понять реальность информанта и адекватно интерпретировать его поведение. Вторая причина нашего методического выбора связана с тем, что статус пребывания большинства наших информантов на территории России и их экономическая деятельность зачастую нелегальны. Деликатность их положения и обсуждаемых тем требовала, в первую очередь, доверия информантов к исследователю. Качественные методы исследования позволяют исследователю завоевать большее доверие со стороны информанта, наблюдать его повседневную жизнь и многократно обсуждать увиденное.

ках. Интервью с информантами проходили, скорее, в форме свободных (неструктурированных, без использования диктофона, в неформальной дружеской обстановке) бесед*. Такие беседы проводились нами десятки раз в самых разных ситуациях и условиях: в гостях у информантов, у нас дома, на рабочем месте информантов, в кафе и т.д. Мы также интервьюировали «окружение» мигрантов: продавцов и администрацию рынков; риэлтеров, занимающихся съемом жилья для мигрантов; преподавателей и администрацию школ, где учатся дети мигрантов, соседей наших информантов и т.д. Кроме того, проводились проблемно-ориентированные интервью с жителями города по поводу их отношения к «кавказцам».

В качестве исследовательского подхода мы выбрали исследование отдельных случаев (case study) (Козина 1997; Stake 1994; Yin 1992). В нашем исследовании «случаями» стали мигрант из Таджикистана** и семья из четырех человек, приехавшая в Петербург из Азербайджана.

Перед началом исследования мы полагали, что сообщество мигрантов из Азербайджана в Петербурге существует в виде сплоченной этнической общины, члены которой занимают определенную экономическую нишу, как правило, в сфере торговли; вновь прибывающий мигрант полагается на ресурсы общины и с ее помощью интегрируется в принимающее общество. Такое представление базировалось отчасти на обыденном знании и представлениях, которые мы разделяли с другими жителями Петербурга конца 1990-х годов. Другим источником этих представлений служили западные теории так называемого «этнического предпринимательства».

* Мы фактически отказались от записи интервью на диктофон по двум причинам: из-за языковых проблем (часто наши информанты с трудом формулировали мысли на русском языке) и поскольку ситуации «формальных» интервью с записью на диктофон так сильно влияли на наших информантов, что подобный метод оказывался неэффективным. Например, наш информант, с которым уже были налажены доверительные отношения, в ситуации интервью с диктофоном рассказывал «официальную» биографию, значительно отличающуюся от той версии, которую мы ранее реконструировали из неформальных бесед с ним. Он не только избегал «щекотливых» тем, связанных с возможным нарушением закона, но вообще сократил свой рассказ до элементарной схемы «приехал — работал — уехал».

** Мы сочли возможным включить в исследование в качестве одного из кейсов мигранта из Таджикистана, несмотря на то, что Таджикистан, строго говоря, не относится к Кавказскому региону. Мы полагали, что сегодня категория «кавказец» является не географической, но расовой. Не случайно в обыденном языке устойчивым синонимом «кавказца» стало слово «черный» («черномазый», «чернокопый» и т.д.). Так, в ходе наблюдений и интервью, проведенных в начале 2000-х годов выяснилось, что современный петербуржец может игнорировать различия не только между «азербайджанцами» и «таджиками», но и между «арабами», «мусульманами» и «прочими черными» (слова цитируются из интервью с жителями города). Между тем, как мы покажем ниже, реальная ситуация, в которой оказывается мигрант, зависит не от того, откуда он реально приехал и к какой этнической группе он сам себя относит, а от того, к какой категории его относят местные жители. Соединив теорему Томаса с теорией власти Бурдье, можно сказать, что в силу дисбаланса власти между мигрантами и местными жителями (тем более представителями официальных структур) определение ситуации одними делает ее вполне реальной по своим последствиям для других. Таким образом, мигрант из Таджикистана фактически превращается в «кавказца».

Теории «этнического предпринимательства»

Существует несколько подходов к пониманию феномена «этнического предпринимательства». Большинство из них, тем не менее, сходится в том, что, будучи этническим меньшинством, мигранты имеют возможность объединиться на основе общей (разделенной) этничности и организовать совместный бизнес. Также предполагается, что в эмиграции — в окружении этнически «чужих» — они доверяют друг другу потому, что принадлежат к одной этнической группе. Доверие, основанное на разделенной этнической идентичности, позволяет сформировать «этнические» социальные сети, облегчает циркуляцию информации по этим сетям, сокращает возможные транзакционные издержки, связанные с недоверием (например, излишним становится использование посредников, выступающих гарантами в бизнесе) (Light 1986: 22; Light, Karageorgis 1994).

В так называемых «реактивных» теориях этничности основное внимание уделяется положению мигрантов в принимающем обществе; ситуация миграции характеризуется прежде всего ущемленным положением меньшинства либо их позицией «временного пребывания», что позволяет не обращать внимания на тяготы в бытовой жизни, сложные условия труда и т.п. (Bonacich, Model 1980). С другой стороны, существует так называемый «ресурсный» подход, который акцентирует тот факт, что мигранты имеют в своем распоряжении дополнительные ресурсы, которые в социальных исследованиях, как правило, характеризуются как «этнические». Согласно А. Лайту, таковыми выступают ресурсы, основанные на идентификации человека с определенным этническим сообществом. В своих более поздних работах Лайт, столкнувшись с тем, что целый ряд действий, отношений, контактов мигрантов не могут быть объяснены этническими факторами, выделяет уже две группы ресурсов, используемых мигрантами — *этнические* и *классовые* (Light 1984, 1985, 1986)*.

В последнее время получил развитие «комплексный» подход, еще более полный, учитывающий еще большее количество компонентов, формирующих контекст существования общин этнических мигрантов и их экономической активности. Этот подход подчеркивает роль, с одной стороны, структуры возможностей принимающего общества, с другой стороны — устройства самого сообщества мигрантов (Waldinger 1987; Waldinger, Ward, Aldrich 1985; Ward 1987). Авторы комплексного подхода выделяют роль этничности прежде всего как основы социальных сетей. Этнические связи, по их мнению, помогают решать проблемы денег, поиска квалифицированных рабочих, просто дешевой рабочей силы. Чувство общей этнической принадлежности становится «кровью», питающей сообщество мигрантов, связываю-

---

* Реактивный и ресурсный подходы являются шагом вперед по сравнению с существовавшими ранее концепциями, которые концентрировались на одной стороне вопроса — культурно-историческом своеобразии этнических групп (так называемый феномен «торговых наций») и игнорировали массу иных социальных и экономических феноменов. В основе «культурно-исторического» подхода лежат теории М. Вебера (Вебер 1990б) и В. Зомбарта (Зомбарт 1994).

шей воедино все его элементы; этничность стабилизирует это сообщество, позволяет мигрантам конкурировать с местным большинством. Считается, что таким образом формируется сообщество, внутри которого отношения, в том числе в сфере экономики, строятся на основе неформальности, доверия, участия, понимания — всего того, что отсутствует в формальной экономике, в которую включено местное большинство. Эти особенности этнической экономики становятся ресурсами для этнических мигрантов в их конкурентной экономической борьбе*.

Результаты исследования: реалии жизни трудовых мигрантов

Начиная собственное исследование, мы ознакомились с описанной литературой и соответственно предполагали, что именно мы ищем: это должно было быть сообщество мигрантов, внутри которого отношения, в том числе в сфере экономики, строятся на основе неформальности, доверия, участия, понимания, в основе которых лежит разделенная этничность и как следствие этническая солидарность. Тем не менее со временем мы были вынуждены внести коррективы в собственные первоначальные представления.

Первоначально мы искали информантов по собственным социальным сетям. Эта стратегия казалась успешной: достаточно быстро нам удалось встретиться и побеседовать с несколькими «азербайджанцами» — «знакомыми знакомых». Среди них были представители двух азербайджанских общественных организаций в Петербурге, профессор государственного университета и частный предприниматель (по совместительству также лидер одной из национально-культурных организаций). Позже мы встречались и с консулом Республики Азербайджан в Петербурге. Мы надеялись, что через них получим выход на всю «азербайджанскую общину» Петербурга, которая представлялась нам реально существующей и единой в масштабах города. Однако ни один из «экспертов» не смог помочь нам в установлении контактов с рыночными торговцами-«азербайджанцами». Более того, они демонстративно дистанцировались от своих «некультурных» соотечественников, подчеркивая, что в круг их общения входят исключительно «интеллигентные и образованные» азербайджанцы. Таким образом, эта стратегия «вхождения в поле» потерпела фиаско.

Нас постигло первое разочарование, ставшее одновременно первым открытием: мы обнаружили, что «азербайджанская диаспора» Санкт-Петербурга состоит из различных социальных сред, которые относительно замкнуты и слабо взаимодействуют между собой. Обнаружилась жесткая граница между по крайней мере двумя сообществами.

Первое состоит из людей, которых мы условно назвали «азербайджанцы-профессионалы» и/или «азербайджанцы досуга». Это хорошо интегрированные и достигшие определенного статуса в различных сферах деятельности петербуржцы, которые в свободное от основной работы время могут

* Обзор западных теорий этнического предпринимательства см. также в: (Радаев 1993; Дятлов 2000).

